

Глеб Иванович Успенский

Умерла за «направление»

Глеб Успенский

Умерла за «направление»

«Public Domain»

1879

Успенский Г. И.

Умерла за «направление» / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1879

Успенский в рассказе «Умерла за «направление», ... обращается к эпохе первого демократического натиска, к 60-м годам, когда «стало открываться это самое направление», то есть выступили либералы с их пропагандой реформ «сверху» и резко отрицательным отношением к революционным, «незаконным» методам. ... Своим рассказом писатель обличает соглашательскую и антинародную сущность политики либеральных деятелей, проповедующих мирные реформы «сверху», «законные пути» как средство достижения «народного блага».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Глеб Иванович Успенский

Умерла за «направление»

...На берегу Невы, далеко за городом, в небольшой беседке, довольно аляповато сколоченной из барочного леса, собралось посидеть и полюбоваться рекой, подышать чистым вечерним воздухом – человек пять-шесть добрых знакомых, дачников и их гостей... Минут двадцать разговор шел в такой степени благополучно, что никто ни разу не коснулся «текущих вопросов», не завел речи о газетных «слухах» и т. д. Действительно, и река, и погода, и небо были так удивительно хороши в этот вечер, что невольно овладевали вниманием собеседников. Берег, на котором помещались неказистые дачи и дачные беседки, был по случаю праздничного дня оживлен без стеснений веселившеюся дачною и местною молодежью, по всему берегу звенел смех и раздавалась торопливая беготня по мосткам, в погоню друг за другом; песни и звуки гармоний неслись с разных пунктов берега и со множества лодок, рассыпавшихся по широкой, в этот вечер необыкновенно гладкой поверхности быстрой реки. Было чем полюбоваться усталому человеку, – и собеседники наши, по положению своему принадлежавшие к так называемой «чистенькой», работающей столичной бедноте, точно некоторое время не нарушали своих почти безмолвных ощущений, возбуждаемых общею картиною вечера... Но увы! – продолжалось это недолго. Одно совершенно незначительное обстоятельство неожиданно изменило господствовавшее в беседке расположение духа; оно заставило собеседников заговорить, и при этом заговорить о таких вещах, разговоры о которых и в начале и в конце, кажется, уже ни в ком не возбуждают ничего, кроме ощущения оскотины...

Обстоятельство, бывшее причиною такой неожиданной неприятности, было очень незначительное. Какой-то небритый солдат, в распоясанной рубашке, в рваных ситцевых розового цвета штанишках, босиком, но в форменной, хотя и рваной, фуражке, какой-то мастеровой и человека четыре простых рабочих-мужиков пришли на берег и расположились на травке около беседки. Все они были рабочие, в будние дни работавшие тут же на берегу, вбивая сваи для строившейся набережной. По случаю праздника они гуляли с утра на свободе и вот теперь целой «канпанией» привалили на берег, быть может потому, что у компании уж больше не было денег, чтобы толкаться вокруг веселых мест, а быть может и просто для отдохновения и дружеской беседы. А беседа шла между ними оживленная. Все они были под хмельком, и разговор их хотя и был довольно не тверд относительно постройки фраз и порядка их появления в речи, но касался очень интересного предмета – именно, последней войны¹ и других животрепещущих событий дня. Солдат, конечно, орудовал на первом плане; прочие только вставляли свои замечания... С первых же слов этого человека можно было догадаться, что он вовсе не походит на ту громадную массу русских воинов, которые, исходив тысячи верст, перемучившись всеми муками, совершив необычайные подвиги, возвращаются смиренно по домам и не находят иного разговора, как о харчах, об одеже, о том, где что дешево из продукта, и так далее. Нет, этот человек старался осмыслить великие подвиги воинства, старался придать им вес и значение и умел приурочить их к своей собственной личности...

– Мы, – говорил он громко и при этом, как настоящий оратор, размахивал рукою с окурком папиросы, свернутой из газетной бумаги: – Мы их, болгаров, праздникам господним научили, закон им показали христианский, они до нас и звону-то церковного от роду рожде-

---

¹ ...именно, последней войны... – Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 годов, окончившаяся победой России и заключением Сан-Стефанского (19 февраля 1878 года), а затем Берлинского (1 июля 1878 года) договоров. Договоры представляли ряд преимуществ славянским народам, боровшимся за политическую независимость. Одним из пунктов этих договоров было образование Болгарского княжества. Англия и Австро-Венгрия занимали враждебную России и крайне агрессивную позицию в балканском вопросе.

ния не знали. Вот что!.. Со слезами они, братец ты мой, как дети, малые ребята, рады... Это должно понимать!

– Чья же она теперь, земля-то?

– Наша! Чья же еще? Нет, брат, теперь извини! Был у него хвост вон какой, пуще павлиньего, – ну будет! довольно! – Погуляй-ка и так; порядочно мм ему хвост-то отхватили...

– Чей хвост?

– Чей! всех вообще ихних народов... Иностранных подлецов... Теперича посиди-ка, друг любезный, сминенько, мутить нашу Россию перестань! Довольно, ты мутил; притеснял, – оставь! Наш царь-батюшка; нечто даром посылал нас, детей своих, на гибель, на мучение? Нет, брат!.. Теперь хучь и много крови пролито, а золотые места: взяли... Да-да! По газетам пишут, сказывают, уж ба-а-лышлой раскоп идет в араратской горе... Первобытного быка отыскивали... Самое то место нашли, куда он в допотопные времена воткнулся. У него, братцы мои, одна щиколка, вот это самое место (солдат поднял ногу и, широко расставив руки, кругообразно водил ими вокруг щиколки), шесть четвертей обхватом... Первобытных веков бык... Вот что!..

– Это что же такое? – очевидно с явным замиранием сердца, почти шопотом, спросил один из слушателей.

– А то, что это самое и есть корень золотым местам во всем свете... А они (так и так) туда-то нас и не пускали... Ты теперича поди с нашей рублевкой в ихнюю землю, он тебе рубля не даст ни во веки веков...

– Не даст?

– Ни-ни!.. Бери полтину!.. А не то, так и сорок копеек... Ведь вот какая сволочь!

– Полтину за рублевку?

– И той, говорю тебе, захочет – не даст! Такие дьяволы, на редкость! У них все, братец ты мой, золото да серебро, а бумажек и в заводе нет... потому завладели коренными местами: все золото себе забрали, а нас не допускают; ну только теперь – шалишь! Будет форситься-то, зарылись в золоте-то... Под-ди ты, погляди, как они живут-то!.. Нос задирает выше самого Балкану... Да-да! Ишь ты, скажи пожалуйста! А нашему брату все так и бедствовать? Как же, довольно с вас, господа!.. Тут крови человеческой пролито – море!

– Окияны, братец мой!

– Дна не найдешь, вот сколько из-за него, мошенника, притеснений было... Сам в деньгах, в золоте да серебре зарылся, а у нас в России денег нехватает! Тут совести нисколько нет... Он нас в Севастопольскую кампанию из-за чего мучал? Все из-за этого из-за самого – не пускал к коренным местам. Наш царь объявил ему войну – небось он не пошел на Питер-то (солдат указал рукой на Неву.). Ему бы тут как по маслу в Россию-то вломиться... Флот у него есть, матросов пятнадцать миллионов – отчего он, немецкая шельма, сюда не шел?.. Ты думаешь спроста? Не знал? Нет, он тонко это понимает! Он взял да и объявился – эво где, в Севастополе! Полез на Россию из-под кручи! из-под горы! Тут бы он одним духом на кораблях-то вкатал, а там в год на гору-то не влезешь – а полез! Почему?.. Боялся! Потому там самые и начинаются коренные места – вот он нас и припер снизу, чтоб к местам-то этим не подпустить!.. Во!.. Ох, брат, гляди ему в зубы-то.... Он свое дело знает тонко... А теперича места-то наши! На-ко вот, съешь!.. ха-ха.

Всеобщая детская радость охватила собеседников. Солдат воодушевился, и обуял им мгновенно дух хвастовства. Он принялся рассказывать, что, «бывало, из штуцера какхватишь из-под кручи-то – пятерых насквозь; он тебя дует навесом, эва какие пускает закуски, пудов по пяти весу, а они все позади ложатся, а мы из-под кручи-то его из ружейцов – тук да тук... Два года после окончания войны плыли по морю мертвые тела... Легло их тридцать восемь миллионов...» Дух хвастовства разгорался в солдате все сильнее и сильнее каждую минуту... «Теперь, – размахивая руками, гремел он: – нам только одну Англию осталось перекувыркнуть... Не перекувыркнем, что ли? Сделай милость!.. Поперек живота сцапал ее, да и вся!.. Л-

любезная! Самая вредная нам шельма!.. Что ты на морях мастерица, так это, братец мой, для нас наплевать!.. Ты в воду, а мы под тебя карпеду!.. Она тебя, шельму, выплюнет оттудова, из-под воды-то, в небо в самое... во... ха-ха-ха!»

Необузданный детский смех и детское веселье обуяло слушателей. Молодой парень, из числа рабочих-мужиков, до того был восхищен нарисованной солдатом картиной, до того живо представил себе, как «карпеда» выплевывает под небо всю иностранную механику, ухитрявшуюся повредить нам откуда-то из-под воды, что опрокинулся на спину и закатился отчаянно веселым хохотом, даже брыкнул босыми ногами.

А солдат, не теряя, повидимому, последовательности в своих мыслях, вдруг перешел к самым последним событиям и объяснил их тоже с точки зрения того положения, которое он высказал раньше.

– Будет, будет баловаться-то!.. довольно вы людей-то, души христианские, на борзых собак меняли. Будет!.. Теперича Россия пошла на поправку, а вашего брата за это надо – вот как...

И он показал, как надо поступать с теми, кто, подобно иностранцам, отнимающим у нас деньги, хочет опять продавать людей и менять их на собак. По этому поводу солдатом было высказано полное сочувствие к одному недавнему событию.

– Пойдем, ребята, – угощу! Рано спать-то... – провозгласил кто-то в толпе собеседников, разговор которых мы слышали, и все скоро, весело и громко разговаривая и очевидно отлично чувствуя себя, ушли по направлению к слободе.

А в беседке начался разговор, и потом пошел спор: говорили, кричали, сердились, волновались... Две дамы, бывшие тут же в беседке, потихоньку поднялись с своих стульев и ушли; они сочувствовали и интересовались, но ушли потому, что уж очень часто слышали такие разговоры, и всегда они оставляли впечатление неопределенное, хотя несомненно тяжелое; без всяких перерывов спор продолжался часа два кряду: дело по обыкновению было обследовано со всех сторон, и по обыкновению же в результате получилось ощущение какой-то тупой безвыходности, горечи, тоски и непритворно болезненного стеснения в груди... Наконец настало молчание озабоченное, тяжелое, утомляющее...

– Нет, вот я знал одну старуху, кухарку, так она, вот она от всего от этого должна была без покаяния и причастия помереть!

Строго задумчивые лица собеседников, смотревшие в разные стороны, невольно обернулись по направлению к тому человеку, который произнес вышеприведенные слова. Человек этот, все время молчаливо кутивший в углу беседки, был человек тихий, скромный и на первый взгляд недалекий: он служил большею частью в каких-то частных компаниях, из которых каждая непременно оставалась, после внезапного прекращения дел, должною Максиму Ивановичу (так его звали) по крайней мере за год. Бывали случаи также, что некоторые места он должен был оставить по «неблагонадежности», так как было доказано, что в числе его знакомых есть писатели и тому подобные подозрительные случаи. Но на денежные обиды Максим Иванович не сердился, а от обвинения в неблагонадежности не робел и не прерывал знакомств, которые сделал раньше. Все его считали очень добрым человеком, но совершенно необразованным. И то и другое было справедливо; но недалекий по виду Максим Иванович внимательно слушал, что говорят, думал по-своему и по-своему делал разные соображения. Видел он на своем веку много, от бедной лачужки мещанина, в которой родился, до дворца какого-нибудь шарлатана-финансиста, который в конце концов надувал его. Однажды по делам службы Максиму Ивановичу пришлось даже быть за границей. К людям, из-за которых ему иной раз приходилось терять место «по неблагонадежности», его влекло не просто сознание невежества своего прошлого и неправды виденного шарлатанства и денежного блеска, – нет, он, как уж сказано, слушал и думал, хотя думал по-своему, а выражаться даже и совершенно не умел.

– Что такое? – как бы не очнувшись и еще в полусне от великих дум, возбужденных утомительным и важным спором, произнес один из собеседников, повернув к Максиму Ивановичу величественно осоловелое лицо с величественно осоловелыми глазами. – Что такое – без покаяния и причастия?

– Больше ничего, – продолжал Максим Иванович, видимо сконфузившись: – я говорю, что одна старуха от этого вот самого... принуждена была скончаться без покаяния и без причастия.

– Какая старуха?

– Кухарка, Аксиной Васильевной звали...

– Без покаяния и без причастия?

– Скончалась без покаяния и без причастия.

– От направления?..

Максим Иванович сильно затянулся папиросой и робко ответил:

– Да-с, от этого, от него...

– Чорт знает, что вы говорите. Я ничего не могу понять.

Кто-то из собеседников неожиданно звонко засмеялся, и олимпийское величие, царствовавшее в беседе, рассеялось в миг. Максим Иванович совершенно сконфузился и как-то пискливо бормотал:

– Чего же вы смеетесь? Я, ей-богу, совершенно по сущей правде говорю вам...

– Без покаяния и без причастия? – переспрашивали его среди смеха.

– Да! И без покаяния и без причастия, – с какой-то напускною твердостью проговорил Максим Иванович.

– От направления?

– И тут нет ничего смешного. Да-с, от направления... Вы же целый вечер изволили сами излагать, что открылось, например, направление для ближнего... То есть, чтобы пользу всячески... Так ведь вы утверждали?

– Так, так.

– Ну, а я больше ничего, привожу вам пример, что существовала некоторая старуха Аксины Васильевна... Ну... Ну – и от этого самого действия в пользу ближнему скончалась бог знает как...

– Знаете, Максим Иванович, вы расскажите всю эту историю подробно, а то решительно понять ничего невозможно. Вы не обижайтесь...

– Я не обижаюсь, я только...

– Рассказывайте, рассказывайте, а то это чорт знает, что такое: какая-то старуха скончалась на пользу ближнему без покаяния и без причастия – ведь тут ничего даже и сообразить невозможно. Рассказывайте!

Но Максим Иванович медлил.

– Я, видите, что хотел сказать, – всячески желая выяснить свою мысль, проговорил он: – вот вы говорите, на пользу... а что, если выйдет безобразие? И почему?

– Ну, ладно, рассказывайте. Там увидим. Кто такая старуха? Знали вы ее?

– Я ее двадцать лет знал... Старуха самая обыкновенная...

– Нос в табаке?

– Нюхала и табак... В прежние времена жила она все больше по постоянным дворам, в артелях, То судомойкой, то стряпухой, а я-то узнал ее, когда уж взяла ее к себе одна моя знакомая старуха, жалилась над ее старостью. Ей в ту пору было уже шестьдесят лет, и ее уж два раза переехали на масленице чухонцы. Ну, словом, старуха самая обыкновенная, в морщинах, в котлах и шерстяных чулках, грязная и дураковатая, и стряпала скверно. Хлебнешь, бывало, ложкой – хватъ, мочалка или щепка... Всего в течение жизни ее переехали лошадьми восемь раз, в последний раз так, что слегла и уж не встала... А то полежит за печкой недели две,

ничем не лечится, только просит испить, думаешь – вот-вот скончается, а она и выползает... Обокрали ее в жизни четыре раза, обокрали начисто, дотла. В такие минуты она не плакала, как другие, но мрачно ожесточалась и худыми руками норовила затянуть платок вокруг шеи либо просила ножа... Увидишь ее в такие минуты, скажешь: «Будет тебе, Аксинья Васильевна! На, вот, на счастье двадцать копеек, у меня рука легкая, опять наживешь...» – «Ой ли? Легкая ли рука-то?» – «Легкая!» Возьмет деньги и начинает жить, ждать молодого месяца... И не понимаю, зачем ей деньги и откуда у ней к ним такая жадность необыкновенная... Так и трясется! Ни копейки ни на что не тратила, а все мечтала какой-то клад еще разрыть... Ну да все это вовсе не нужно вам знать, и незачем об этом распространяться, это я только так...

– Зачем же вы говорите, что не нужно? Вы к сути-то, к сути поскорей.

– Я так только... Разговор был, вот я и... Но не в том дело... В то самое время, как Аксинья Васильевна служила на постоянных дворах, стряпала щи с мочалками и пироги с мухами и прочее, – в течение того времени стало открываться это самое направление... Ну, разумеется, она от всего от этого за тридевять земель... Даже не знала, что было освобождение крестьян... Не поверите? Как угодно, а я не лгу. Да что Аксинья Васильевна! Со мной, я вам расскажу, какой был случай... Была – уж давно, впрочем, – в Петербурге одна личность, и притом личность такая, что положительно на всю Россию одна... на мое несчастье, мне именно случилось быть свидетелем, как эта личность вдруг стушеввалась. Самый то есть момент этого события перечувствовать... Однажды, часов этак до трех ночи, засиделся у меня в гостях один молодой человек. Сидели мы, и почти только и разговору у нас с ним было, что об этой личности. Вдруг звонок на всю квартиру, и впопыхах влетает молодой человек. Бледен как полотно, дрожит как осиновый лист и вообще видимо потрясен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.